

Светлов П. Я., прот. Умышленная непонятливость. [Рец. на:]
О-в Ст., прот. [= Остроумов Ст., прот.] По вопросу о
религиозном значении театра // Православное русское слово,
1903, № 1 // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 2. С. 335–340
(2-я пагин.).

УМЫШЛЕННАЯ НЕПОНЯТЛИВОСТЬ.

(Отвѣтъ на замѣтку прот. Ст. О-ва „По вопросу о религиозномъ значеніи
театра“ въ *Прав.—Русск. Слово* 1903, № 1).

Обсуждая вопросъ о религиозномъ значеніи культуры, какъ орудія строенія царства Божія на землѣ, я долженъ былъ высказаться, по возможности, и о религиозномъ значеніи театра, въ своей ст. „Идея царства Божія“ (*Бог. Вѣстн.* 1902, XI). Съ одобрительными примѣчаніями Редакціи въ *Прав.—Русскомъ Словѣ* 1903, № 1 помѣщена замѣтка прот. Ст. О-ва „Къ вопросу о религиозномъ значеніи театра“. Замѣтка эта, по увѣренію автора, предназначается „вызвать меня на болѣе ясное и полное раскрытіе вопроса“ при „какъ бы *умышленной* (?) неясности и незаконченности“ моихъ разсужденій здѣсь. Конечно желателенъ обмѣнъ мыслей въ печати для уясненія всякихъ вопросовъ,—тѣмъ болѣе вопросовъ новыхъ и еще не тронутыхъ духовной литературою, каковы этотъ нашъ вопросъ, но, къ сожалѣнію, критическая замѣтка о. О-ва не даетъ матеріала для уясненія вопроса собственно, и мнѣ приходится ограничиться, по обыкновенію, защитою противъ обвиненій, бросающихъ ложный свѣтъ на мою личность и взгляды.

Никакого отношенія къ существу предмета не имѣетъ, конечно, обвиненіе прот. О-ва въ томъ, что я „пренебрежительно“ отношусь къ такимъ авторитетамъ, какъ еписк. Теофанъ, арх. Димитрій и др., и „безцеремонно раздѣляюсь“ съ ними, но обойти этого обвиненія нельзя. Къ удив-

ленію обвинителемъ не указано никакихъ основаній къ самому обвиненію, и я недоумѣваю, неужели выразить несогласіе съ мнѣніемъ хотя-бы и почтенныхъ лицъ значить „безцеремонно раздѣлаться“ съ ними? Развѣ уваженіе къ лицамъ исключаетъ неизбѣжность и возможность случаевъ несогласія съ ихъ личными мнѣніями? Что значить почитать людей по этическимъ воззрѣніямъ прот. О-ва? Ставить онъ мнѣ въ вину, что имена авторитетныхъ „оппонентовъ“ я скрылъ, а „наименѣе авторитетнаго“ назвалъ. Но сдѣлалъ я это не безъ основаній: 1) сущность дѣла я вижу не въ именахъ, а въ идеяхъ; 2) я руководюсь правиломъ не называть почтенныхъ въ русской духовной литературѣ и церкви именъ, когда разсматриваемыя мною ихъ мнѣнія не могутъ ничего прибавить къ ихъ славѣ. По моему мнѣнію, о. О-въ не обнаружилъ ни литературнаго такта, ни уваженія къ взятымъ имъ подъ свою защиту лицамъ, назвавъ ихъ имена для чего-то.

Мой оппонентъ навязываетъ мнѣ, безъ основаній въ статьѣ, взгляды, какихъ я не высказывалъ. „Безцеремонно“ назвавъ одно мѣсто у меня „слишкомъ наивнымъ возраженіемъ“ (стр. 71), о. О-въ далѣе по поводу его своими разсужденіями хочетъ навести читателя на мысль, будто я совершенно отрицаю возможность нравственнаго вреда отъ театра и признаю за нимъ одну пользу. Развѣ въ самомъ началѣ разсужденій о театрѣ не отведено мною прямо мѣсто театру въ ряду предметовъ изъ области „безразличнаго“ или, лучше, „дозволеннаго“, т. е. такихъ земныхъ благъ, которыя для чистыхъ чисты и полезны и въ пользованіи которыми предоставляется каждому руководствоваться совѣстью и правиломъ апостола (1 Кор. X, 23; VIII, 7—13; Рмл. XIV, 20—21 и др.)? Ясно, что не всегда театръ, согласно высказанному мною, можетъ быть полезенъ, и что въ разсужденіи пользы его нужно сообразоваться съ временемъ, лицомъ, пѣсою и др. обстоятельствами, предоставленными вѣдѣнію христіанской свободы. Ссылка на Руссо въ доказательство чувственнаго вреда театра и другія подобныя ссылки какъ разъ подтверждаютъ необходимость въ пользованіи театромъ сообразоваться съ правиломъ апостола: Руссо страдалъ половою психопатіею, и для такихъ субъектовъ театръ дѣйствительно въ иныхъ случаяхъ можетъ быть вреденъ. Вообще

темою предмета я вынужденъ быть говорить лишь о пользѣ, а не о вредѣ театра: неужели критикъ этого даже не замѣтилъ?! Неужели Ст. О-въ, не замѣтилъ, что на протяженіи всей статьи моей о Царствѣ Божіемъ всюду устанавливается, главнымъ образомъ, *принципіальное* рѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, напр., о свободѣ совѣсти, объ отношеніи государства и церкви, христіанства и культуры и др. — и среди нихъ въ томъ числѣ также вопроса о высшемъ значеніи театра ¹⁾? Неужели онъ не замѣтилъ и того, что рѣчь у меня идетъ о театрѣ именно, а не объ извращеніи театра, или каррикатурѣ его? Это было-бы странною невнимательностью и „какъ-бы умышленною“ непонятливостью...

Наконецъ мнѣ навязывается нелѣпая мысль, будто современный театръ въ своемъ *statu quo* *вполнѣ*, „дѣйствительно и безусловно“ и во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ своему высшему религіозному назначенію, безъ всякихъ въ немъ усовершенствованій! Откуда же это вычитано? Напечатано было только слѣдующее. Театръ по той мѣрѣ удовлетворяетъ своему высшему назначенію, по какой отображаетъ христіанское міросозерцаніе; поэтому, если театръ мало отражаетъ въ себѣ христіанскій свѣтъ, то мало и служитъ высшей цѣли. Современный театръ недостаточно отражаетъ въ себѣ евангеліе, какъ недостаточно отражается послѣднее въ наукѣ, литературѣ и т. д., т. е. не во всей полнотѣ; а потому и театръ можетъ также лишь не во всей полнотѣ отвѣчать своей цѣли. Но если мы доживемъ до „идеальнаго“ театра, о которомъ будто-бы только и говорилъ Гоголь, то тогда и театръ вполнѣ будетъ отвѣчать своей цѣли... При всемъ томъ я недоумѣваю, неужели кто-либо даже изъ солидарныхъ съ о. О-вымъ искренно можетъ считать не удовлетворяющими вполнѣ назначенію театра „Жизнь за Царя“, „Фаустъ“, „Гугеноты“, „Маккави“, „Новый міръ“, трилогію Толстого, „Гамлета“, „Короля Лира“, „Макбета“ и другія произведенія Шекспира, драмы и комедіи Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго и мн. др.?! Должны же быть какіе-либо предѣлы пуританской требовательности:

¹⁾ Мысль о возможности вопроса о *религіозномъ* значеніи театра не должна пугать христіанъ, читающихъ 1 Кор. X, 31 и под.

иначе значило бы остаться вообще совѣмъ безъ театра и успокоиться на „пещныхъ дѣйствіяхъ“... Добавлю къ сему, что *общій* критерій или *общее* понятіе религіозности и нравственности драматическаго искусства устанавливаются ясно и опредѣленно у меня, и въ статьѣ, непосвященной спеціально занимающему почему-то Ст. О-ва вопросу, было-бы неумѣстно и странно входить въ частное обзорѣніе репертуара современнаго театра и давать „характеристику современнаго состоянія сценическаго искусства въ его отношеніи къ *религіозному состоянію народа* (?)“. Не требуется-ли ужъ отъ меня здѣсь списокъ дозволенныхъ и недозволенныхъ піесъ?.. Въ всякомъ случаѣ желанія О-ва неясны.

Обсужденіе прочихъ мѣстъ замѣтки не ведетъ къ выясненію вопроса, смѣю увѣрить въ томъ. Цитаты О—ва изъ Мартенсена и авторовъ изъ Мартенсена противъ театра говорятъ лишь о существованіи противниковъ театра и могутъ быть опровергнуты цитатами сторонниковъ; цитата изъ Шиллера въ нѣкоторомъ отношеніи сомнительна; Мартенсенъ нигдѣ не рекомендованъ мною въ качествѣ автора, вполне солидарнаго со мною; цитата изъ еписк. Теофана и въ распространенномъ видѣ, какъ это желательно критику, ничего не измѣняетъ въ сказанномъ мною по поводу ея. Своими молитвами при освященіи театра и предъ началомъ сценическихъ представленій Церковь несомнѣнно освящаетъ и благословляетъ театръ хотя-бы „какъ одинъ изъ видовъ общественной предпріимчивости“ (!) и вопросъ о чинѣ молитвословій, интересный только для требоисправителей, ничего не измѣняетъ здѣсь въ сущности дѣла, будутъ-ли эти церковныя молитвословія совершены по особому или общему чину; о существованіи особаго чина для освященія театра мною не говорилось. И такъ далѣе все въ этомъ родѣ!...

И такъ, къ заключенію! Заключеніе замѣтки читается такъ: „...намъ весьма симпатична мысль прот. Свѣтлова призвать и театральное искусство на службу Христу, но мы не знаемъ, когда и гдѣ это было и какъ, при какихъ условіяхъ, это можетъ осуществиться. Если мы ради приближенія общества къ христіанству будемъ поступаться основами христіанской этики и называть черное бѣлымъ, то мы окажемъ плохую услугу и Церкви и обществу“. Искренно не-

доумѣваю, гдѣ и какъ я „черное называю бѣлымъ“? Не объяснено также почтеннымъ отцемъ критикомъ, что у него самого называется чернымъ? Недоумѣваю также, какими „основами христіанской этики“ я поступилъ въ статьѣ (писанной не съ практической цѣлью „приближенія общества къ христіанству“, а прежде всего въ интересахъ научнаго выясненія евангельской „идеи царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“). Обвиненіе въ потрясеніи нравственныхъ основъ христіанства слѣдовало-бы протоіерею Ст. О—ву обставить посолонднѣе,—не ограничиваясь голословнымъ обвиненіемъ, если ужъ для уясненія всякаго богословскаго вопроса въ русской духовной критикѣ необходимыми стали обвиненія въ неблагонадежности, ересеяхъ и потрясеніи основъ!

Скажемъ кратко о заключеніи замѣтки о. О—ва, въ своемъ родѣ достойной замѣчанія. Не рѣшая вопроса, насколько протоіерей Ст. О—ъ, призванъ къ компетентному приговору о достоинствѣ моей литературной службы Церкви и обществу, мы должны сказать, что онъ въ своемъ заключеніи особенно выходитъ изъ предѣловъ теоретическаго и спокойнаго обсужденія вопроса о религіозномъ значеніи театра. Его замѣтка не есть поводъ къ выясненію указаннаго вопроса, она есть лишь новый вкладъ въ ту нездоровую отрасль нашей духовной литературы, которая ко вреду русской церкви и богословской науки занимается только искаженіемъ ересей и всякой неблагонадежности среди даже „свѣдущихъ въ словѣ“ специалистовъ—богослововъ, тружениковъ науки и вѣрныхъ служителей церкви. При чтеніи замѣтки, прот. Ст. О—ва снова, въ тысячный разъ встаетъ передъ нами давно наболѣвшій, печальный вопросъ: отчего такъ убога у насъ духовная критика и неужели нѣтъ никакихъ мѣръ къ ея исправленію? Критикѣ этой хочется „стоять на стражѣ православія“; но неужели нѣтъ возможности и нужды дѣлать это дѣло болѣе умѣло и толково? Вотъ вопросъ, къ выясненію котораго въ нашей печати даетъ случай намъ еще лишній разъ отецъ прот. О—въ, — и пока только этотъ вопросъ. Что касается пожеланій о. О—ва о „болѣе ясномъ и полномъ раскрытіи“ вопроса о религіозномъ значеніи театра и другихъ подобныхъ вопросовъ, то, должно быть, для обсужденія ихъ все еще не пришло время...

Въ этомъ наглядно убѣждаетъ насъ и замѣтка о. Ст. О—ва... Она можетъ располагать только къ глубокому молчанію... Пусть же на полномъ просторѣ что угодно рѣшаютъ тѣ, которые не „оказываютъ плохую услугу Церкви и обществу“ излишнимъ рвеніемъ въ охраненіи основъ!

Прот. П. Я. Свѣтловъ.

Кіевъ
23 января 1902 г.
